

Кирилл Александрович Кочегаров

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Институт славяноведения РАН, Москва, Россия. 119334, Ле-
нинский проспект, 32А. E-mail: kirill-kochegarow@yandex.ru

Запорожская Сечь во второй половине 1680 г.: от смерти кошевого атамана Ивана Серко до Бахчисарайского мира 1681 г.

К середине 1680 г. отношения царского правительства и подвластного России украинского гетмана, с одной стороны, и Запорожской Сечи (центра Войска Запорожского Низового, или Низового войска), с другой, находились в определенном упадке. Этот упадок был связан с политикой кошевого атамана Ивана Серко, который враждовал с гетманом Иваном Самойловичем и пытался проводить независимую политику в отношении Крымского ханства и Речи Посполитой. Политика эта ухудшила общее политическое положение Сечи, поэтому смерть Серко в начале августа 1680 г. открыла возможность для восстановления отношений запорожцев с Москвой и Батуриным (ставка украинского гетмана). Для Сечи это было важно в том числе и на фоне стремления османских и крымских властей поставить Запорожье под свой контроль. Царское правительство и гетман Самойлович также стремились укрепить свое влияние на Войско Запорожское Низовое ввиду продолжавшихся мирных переговоров с Османской империей и Крымским ханством. Поэтому посольство запорожцев, отправленное в Москву после смерти Серко с просьбой о прощении Сечи самовольных контактов с иными государствами и о возобновлении выплаты царского жалованья, встретило в Москве весьма теплый прием. Казаки получили требуемое жалование, но взамен Войско Запорожское Низовое должно было принести присягу на верность русскому царю (вторую в истории). Это имело большое значение для позиции России в ходе мирных переговоров в Крыму, результатом которых стало заключенное в начале 1681 г. Бахчисарайское перемирие.

Ключевые слова: русско-украинские отношения, Крымское ханство, Османская империя, Россия, гетман Иван Самойлович

Статья поступила в редакцию: 1 июля 2025 г.
Статья принята к публикации: 31 июля 2025 г.

Цитирование: Кочегаров К.А. Запорожская Сечь во второй половине 1680 г.: от смерти кошевого атамана Ивана Серко до Бахчисарайского мира 1681 г. // Центральноевропейские исследования. 2025. Вып. 8. С. 117–160. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2025.8.5>

Со смертью Сирка слава низовых казаков надолго померкла, и запорожцы уже не играли никогда такой выдающейся роли в истории южной России, какую они играли при своем знамени-том кошевом¹.

Завершающий этап русско-турецкой войны 1672–1681 гг. принес ряд важных изменений в положение Войска Запорожского Низового — автономной военно-политической организации украинских казаков, уже больше столетия группировавшихся вокруг Сечи, или Коша — укрепленного поселения в низовьях р. Днепр, к югу от его порогов. На эти изменения обратил внимание такой выдающейся исследователь истории запорожского казачества, как Дмитрий Иванович Яворницкий (1855–1940), о чем свидетельствует и эпиграф статьи, однако их значение и последствия для истории Запорожской Сечи, как представляется, еще не до конца оценены и проанализированы в науке. Так, например, известная советская исследовательница истории днепровского казачества Елена (Олена) Михайловна Апанович (1919–2000) закончила монографию, посвященную участию запорожцев в борьбе против турок и татар в 1650–1670-е годы, скорее на мажорной ноте — Бахчисарайское перемирие, по ее мнению, стало «большой победой России, дипломатической и военной», достигнутой при активном участии запорожцев. По условиям мира Запорожская Сечь якобы была закреплена за Россией, признавалось право запорожцев заниматься промыслами в низовьях Днепра². В действительности все было совсем не так радужно. По условиям русско-крымско-османских соглашений 1681–1682 гг. России не удалось добиться признания царского суверенитета над Запорожьем, а сами казаки должны были отныне платить пошлины за промыслы в низовьях Днепра в османскую казну³. Современный специалист по истории запорожского казачества В. В. Станиславский справедливо обратил внимание на значительные экономические трудности, с которыми Сечь столкнулась после заключения в 1681 г. Бахчисарайского перемирия⁴. Однако указанная проблема не сводилась лишь к экономике и в даже в большей степени лежала в военно-политической плоскости. Все это лишний раз подчеркивает необходимость

¹ Эварницкий 1895: 581.

² Апанович 1961: 296.

³ Яфарова 2024: 509–521.

⁴ Станіславський 2004: 20–21; Станіславський 2006: 570.

дальнейшего изучения политики самих запорожцев в решающие для них 1680–1681 гг., степени осознания ими изменений своего положения и предпринятых в связи с этим конкретных шагов.

Объективный для Сечи фактор — расширение системы османских крепостей на Нижнем Днепре с центром в Казыкермене, перекрывших реку для прохода запорожских судов в Черное море, совпал с субъективным — болезнью и смертью знаменитого кошевого атамана Ивана Дмитриевича Серко (ок. 1610–1680). Его нереализованные политические амбиции, крах попыток договориться об обмене пленными с Крымским ханством, контакты с Речью Посполитой не принесли в итоге ничего, кроме еще большей дестабилизации положения Сечи⁵. Осознание подступавшей старческой немощи находило выражение в конфликтах с заслуженными казаками, в стремлении кошевого к замкнутости, что при сохранении им формального лидерства над запорожцами лишь усиливало разброд в их рядах.

Смерть Серко поставила Запорожскую Сечь перед необходимостью скорейшего пересмотра оставленного им политического наследства и в первую очередь налаживания испорченных отношений с гетманом Войска Запорожского Иваном Самойловичем (1672–1687 гг.) и русским правительством. Москва и Батурин также осознавали политическую важность момента в условиях, когда переговоры о мире с Крымским ханством и Османской империей входили в завершающую fazu. Вопрос о Запорожской Сечи был на них одним из важнейших.

Наиболее подробное освещение события истории Запорожья в августе 1680 — январе 1681 г. получили в фундаментальном труде Сергея Михайловича Соловьева (1829–1879)⁶. Это изложение стало основной для последующих исследователей, в том числе для Д. И. Яворницкого⁷. Соловьев в целом верно охарактеризовал основную суть событий, однако ряд деталей и важных нюансов, имеющих для избранной проблематики существенное значение, по очевидной причине остались за рамками его исследования. Расширенное использование сведений как введенной им в оборот книги Малороссийского приказа № 52, так и ранее неизвестных исследователям документов фонда № 124 Российского государственного архива древних

⁵ См. подробнее: Кочегаров 2019: 54–127.

⁶ Соловьев 1991: 222–224.

⁷ Эварницкий 1894: 141–139; 1895: 581–582.

актов позволяет представить политику Запорожской Сечи, ее отношения с Москвой и Батуриным в столь судьбоносное для нее время с максимально возможной полнотой.

Смерть И. Д. Серко и события в Сечи в августе — начале сентября 1680 г.

Уникальные подробности последних месяцев жизни Ивана Серко, которые дают ключ к пониманию событий в Сечи в августе-сентябре 1680 г., содержатся в записи показаний сечевого писаря Петра Быхоцкого, допрошенного в Малороссийском приказе в Москве около 21–23 сентября 1680 г. Этот источник был пересказан С. М. Соловьевым и с тех пор не верифицировался⁸.

Говоря о всевластии Серко в Сечи, перечисляя причины его недовольства царем и гетманом, Быхоцкий подчеркивал, что покойный кошевой

[С]тавил себе за великую обиду, что и настоящей ласки себе от него (Самойловича. — К.К.) никакой не имел, еще ж и опасался всякого зла, как к нему о том вести доходили и по тем по всем причинам великою злобою дышал, как бы заплатить то злом ж, не памятуя на обещание свое, как во всякой своей верности поставлял свидетеля Бога.

Первое проявление этой вражды Быхоцкий видел в контактах кошевого с Крымским ханством с целью обмена пленными. В ходе встречи Серко с ханским визирем Ахмед-агой последний будто бы заявил ему о запорожцах, что «три государства об них таргуют, кому де они буде достанутца», а атаман на это ответил: «Хто их станет жаловать и обронять, тому будет и служить». «А знатно де то везир всчал с ним ту речь по прежним тайным пересылкам», — предложил Быхоцкий. После крымской интриги появилась и польская. Контакты с Речью Посполитой, по словам Быхоцкого, придали планам Серко более конкретное направление, «и он де учал к намерению своему прилагати надежду и мыслить, как бы в Украине учинить кроворазлитие». Когда эти известия дошли до польского короля Яна Собеского (1674–1696 гг.), он резко активизировал политику в отношении Сечи, направив туда с секретной миссией священника из Белой

⁸ Соловьев 1991: 222–223.

Церкви Семена Зарембу, который «приехал на Кош будто для окупу ис Крыму сродников своих». Заремба начал кошевого

[П]риводить к тому, что он с Войском Низовым служил королю полскому, и Серко де через того попа обнадежился и, хотя злое свое намерение привести к совершению, послал х королю сына своего, а с ним сто человек казаков, отзываясь к нему с верною своею службою и с таковым замыслом, чтоб король полской чрез пересылки свои учинил то, чтоб хан крымской с ордою шол на слободцкие украинные города воиною, а король бы послал войска свои по Задесенью на малороссийские города.

Серко в это время, получив королевское знамя и булаву, должен был вторгнуться в слободские города со своим отрядом и, став рядом с границей Малой России, попытаться разжечь в ней бунт против Самойловича, добиться его убийства и стать гетманом самому. Доводом в пользу Серко для малороссийского населения должно было послужить то, что он «чрез полского короля от турков и от татар учинит им покой». Быхоцкий указал, что именно он вместе с писарем Яковом Константиновым сумели успешно противодействовать планам атамана и не допустить их реализации. В частности, они якобы «не дали ему с визирем крымским договорных статей совершить, что было быть им под обороною салтана турского и хана крымского». Не сумев добиться желаемого, Серко пришел в отчаяние и заболел. При этом «учал болеть у него левой бок и от того безмерно учинился худ». На фоне болезни и депрессии он замкнулся и уехал жить на свою укрепленную пасеку, располагавшуюся в 10 верстах от Сечи «в днепровых заливах». Отход Серко от непосредственного руководства жизнью запорожцев при формальном сохранении им поста кошевого вызывал серьезный военно-организационный кризис в Низовом войске. С. М. Соловьев не придал данному сюжету значение, между тем как Быхоцкий изложил его весьма подробно.

Первоначально войско выразило «негодование» фактическим устранением Серко от атаманства, однако кошевой, пользуясь своим авторитетом, сумел подавить ропот недовольных, «говаривал им, чтоб они ево слушали, он человек старой и воинской и знает, что в которое время делать». Ситуацию осложняло то, что даже по признанию Быхоцкого Серко был прав, когда укорял «в самое лицо» не названных по имени «старых казаков» за отправку по старому обычаю «ис куреней своих казаков в степь для добычи», а сам настаивал,

«чтоб в степь малыми людми не посылать». В результате такие «вата-ги во многих местех пропали безвозвратно», а Низовое войско лиши-лось многих «добрых молотцов». Происходило это потому, что турки и татары сменили тактику:

[В]ымыслили вновь такую хитрость, что многими людми учали вы-ходить в степь и на причинных местех стоять тайно, и пропустя те запорожские малые посылки за крепости, обступят их кругом и по-бивают, а на Коше того и не сведают. И для де того неприятелского вымыслу в нынешние два годы (1679–1680 гг. — К.К.) безмерно мно-го пропало людей, — резюмировал Быхоцкий.

Противостояние Серко и других авторитетных казаков, начав-шееся, судя по всему, еще даже до контактов кошевого с польским королем, спровоцировало дальнейшее ухудшение положения Сечи, которое уже и так было незавидным в результате строительства тур-ками новых крепостей в низовьях Днепра и их активное противодей-ствие любым вылазкам запорожцев с опорой на возведенные твер-дыни. Более того, в конфликте со старыми казаками атаман стал опираться на «лехкомысленных» запорожцев, которые

[К]репко на него, Серка, имели надежду и мимо ево слова отнюдь ни-чего делать не хотели, а верили тому и делали те дела так, как Серку угодно. А на Коше де не столько разсудительных людей, — делился своими наблюдениями Быхоцкий, — сколько безразсудных, и хотя де кто и разум имеет, не скоро объявит себя неразсудным людем, по-тому что ставят себе то в обман.

Эти люди, по мнению сечевого писаря, были питательной средой для авантюристических планов польского короля, который направил в Сечь нового посланца — «волоха» (молдаванина) Павла Апостола. Последний «всякими тайными разговоры приводил ево, Серка, ко исполнению тех вышеописанных злых дел». И здесь Быхоцкий вновь акцентировал внимание на своих попытках вместе с войсковым судь-ем расстроить планы кошевого:

А уведали они то от Апостолца, а не от Серка, потому что тот Апосто-лец стоял у него, писаря, в курене и при разговорех многих учал им говорить тайно, не объявляя дела толко, приводя к тому, чтоб они, судья и писарь, слушали того старого воина Серка, что им прикажет,

так бы и делали. И они де в войску явно того сказать не смели, а Серку на одине говаривали, чтоб он им объявил, для чево к нему король прислал. И Серко де отговариваясь от них лукавством, много время им того не объявил, только вычитал свои и войсковые обиды, о чём объявлено выше сего и приводил их к тому лукавству, чтоб они мыслили о добре Войску Низовому.

К этому моменту (пребывание П. Апостола в Сечи датируется весной — летом 1680 г.⁹) Серко, видимо, окончательно разочаровался в своих проектах, поняв, что в его нынешнем состоянии цепляться за булаву не имеет смысла, и стал думать об уходе на покой и поиске преемника. Он заявлял судье и писарю, что «устарел и хочет болши всего жить у себя в пасеке», а на свое место прочил «старого казака» Ивана Яковлевича Стягайло. Серко все чаще покидал Сечь и жил на пасеке, в результате чего терзавшая его болезнь несколько отступила («и от болезни де своей учал обмогатца»). Тем не менее окончательно должность кошевого он не оставил. Чувствуя близящийся конец, Серко «велел себе зделать гроб и в том гробу ложился, а сказал, что он прежняго себе здоровья не чает». Сечевой старшине он оставил нечто вроде устного завещания относительно своего имущества: «естли он умрет и по смерти б ево половину ульев отдать в Межигорской монастырь, а другую отдать жене ево и детем». Правда, по едкому замечанию Быхоцкого, «ульев де у него ныне не родилось, малым де болши двусот».

Писарь подробно описал кончину Серко, которая в труде Соловьева опущена:

И июля де в последних числах пошол он, Серко, в пасеку, а с собою взял только четырех человек. И в первую де ночь стали начевать в пасеке, легли, всякой в своем пологу. И по утру, как время приспело вставать, казаки встали, а Серко многое время к ним не выдет. Пришли к ево пологу, и Серко де лежит мертв на левой руке. И испужався того, что ему так скорая смерть случилась, послали в Сечю сказать, и ис Сечи де для осмотру и розыску той ево смерти послали ево, писаря Петра. И по осмотру де у него Серка левой бок весь местами сине и багрово, и черно. И взяв ево, привезли в Сечю и погребли.

По завету славного атамана «приговорили быть кошевым Ивану Стегайлу, которого оставил, идучи в пасеку, Серко наказным».

⁹ Кочегаров 2019: 97–98, 117–118.

Быхоцкий говорил, что сечевая старшина не стала оспаривать статус преемника и отзывался о новом атамане в целом положительно: «Он, Стегайло, человек доброй и зла никакова в нем не видали, а разум есть и слово разсудное есть ж, tolko de грамоте не умеет, а родился он в Торговице»¹⁰.

Быхоцкий в целом верно охарактеризовал канву польско-запорожских отношений, однако что касается Крыма, то здесь сечевой писарь явно лукавил, очерняя Серко в угоду гетману Самойловичу. И фактический материал, и эпистолярное наследие самого кошевого последних полутора лет жизни со всей ясностью показывают его верность идее существования Сечи как *antemurale christianitatis* в борьбе с мусульманской экспанссией в Северном Причерноморье. Переговоры с Крымом велись атаманом для обмена значительного количества пленных, скопившихся в Сечи, а все попытки крымской стороны навязать ему политический протекторат были отвергнуты¹¹. По-прежнему невозможно проверить информацию Быхоцкого о планах Серко поднять восстание на Левобережной Украине при поддержке Речи Посполитой. За этими речами сечевого писаря маячит призрак интриг гетмана Самойловича. Подлаживаясь под его настроения, Быхоцкий вполне мог раздуть имевшие место в курене кошевого разговоры, включая хмельную похвальбу, отомстить Самойловичу за прошлые обиды (реально имевшие место) до более-менее ясно очерченных планов свержения гетмана при помощи Польши. Естественно, не обходилось без выпячивания писарем собственной роли в демонтаже якобы коварных намерений кошевого. Помимо прочего подобные сведения формировали нужный Батурину контекст политики русского правительства в отношении Запорожской Сечи. Одно из важнейших сообщений Быхоцкого, ранее не замеченных, это описание военно-организационного кризиса в Войске Запорожском Низовом — как в результате внутренних раздоров, так и вследствие изменения тактики борьбы турок и крымцев с нападениями мелких казачьих отрядов. Если первая причина была временным явлением и вскоре могла быть устранена, то вторая имела более долгосрочный характер, являясь частью амбициозных планов Османской империи

¹⁰ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 52. Л. 37–43. Тарговица — местечко Брацлавского воеводства, ныне село в Кировоградской области Украины.

¹¹ См. подробнее: Кочегаров 2019: 54–127.

по установлению полного контроля над Нижним Днепром. Осознание этого запорожцами дополнительно подталкивало их к налаживанию отношений с Батуриным и Москвой.

Смерть Серко, как известно, наступила 1 августа 1680 г. Уже 9 августа выбранный на его место И. Я. Стягайло сообщил об этом стольнику и полковнику Василию Федоровичу Перхурову, который второй год нес службу со своим полком в низовьях Днепра и квартировал летом 1680 г. в городке Орель (у впадения р. Орель в Днепр). По словам Стягайло:

[3] воле Божей славной памяти на пана Ивана Серка, атамана кошевого нашего, в сем году августа 1 пришедши час смертний, взял од нас его из земного мешканя, которого мы з жалем нашим отстрадавши, обичаем християнским з набожним обрядом церковним поховалисмо тело его при Коши на поли августа 2¹².

На следующий день письмо с аналогичным сообщением было отправлено гетману Самойловичу¹³.

Поскольку И. Д. Серко не смог договориться о перемирии и обмене пленными с Крымом весной 1680 г., вялотекущие боевые действия запорожцев в отношении турок и татар продолжились и летом. После смерти кошевого сечевые казаки особенно стремились преподнести их как свидетельство своей службы царю. В этом Стягайло уверял и стольника Перхурова, и гетмана Самойловича, сообщая о захвате запорожцами турецкого корабля на Азовском море, истреблении его экипажа и взятии девяти пленных, которые были доставлены в Сечь 8 августа. Пленники сообщили, что «поголоска есть, якобы орды мают зимою пойти воиною на Вкраину». Одного из пленников с турецкого корабля, который оказался молдаванином, запорожцы отправили к гетману с казаками Кузьмой и Семеном Ганженко. В направленном с ними письме, написанном 10 августа, кошевой Стягайло объяснял гетману, что в данный момент запорожцы не готовы

¹² РГАДА. Ф. 124. Оп. 3. Д. 379. Л. 1–2. Письмо это с небольшими искажениями цитировал Н. И. Костомаров, ошибочно утверждая, что оно было адресовано гетману И. Самойловичу. См.: Костомаров 1882: 608. Письмо запорожцев гетману действительно было выслано, но на следующий день. Его текст приводит казацкий летописец С. Величко (см. след. прим.).

¹³ Текст письма см.: Величко С. Летопись событий в Юго-Западной России в XVII веке. Киев, 1851. Т. 2. С. 498.

направить посланников к царю в Москву, поскольку их ватаги, разошедшиеся для промыслов и добычи, еще не вернулись в Сечь.

В то же время казаки просили гетмана хлопотать для них о «милости» великого государя. Самойлович официально уведомил царское правительство о событиях в Запорожье, в том числе о смерти Серко и захвате турецкого судна через войскового канцеляриста Василия Леонтьевича Кочубея (ок. 1640–1708), который 1 сентября доставил в Москву гетманские статьи, а также молдаванина (его гетман просил вернуть) и сопровождавших его запорожцев¹⁴. Последние рассказали в Малороссийском приказе «о погроме в розных местех татар»; о походе турецкого войска во главе с пятью пашами к Южному Бугу, где они «у Чапчаклия обретаютца и городок над Богом поставили, где и сын ханской обретаетца с ордою»; о сборе турецко-татарских войск для участия в разграничении Подолья, об угрозе татарского набега на Левобережье.

В конце запорожцы сообщили, что их отряд из 60 человек прибыл «для отпочиву» в Переяславский полк¹⁵. Доставленный сечевиками в приказ «воловшанин» Юшка Николаев оказался выходцем из Азова, где находился еще семь недель назад. Он рассказал о прибытии туда 100 калмыков, чтобы принять ислам («веру турскую») и подданство османского султана, при условии, что им будет дано «доволное жалованье», в результате чего, «на них смотря, и все калмыки под державу его приклонятыца». Азовский паша оставил половину калмыцкой делегации у себя, а остальных 50 человек отправил к султанскому двору. Николаев полагал, что султан «войск своих на Московское государство и в Полщу никово ныне не пошлет для того, что учинился у них задор с венгры и послали крицкого пашу с войски на венгров»¹⁶. 7 сентября датирован отпуск царской грамоты, с которой Кочубей был отпущен из Москвы вместе с запорожцами и Николаевым. Гетману предписывалось писать на кош, «обнадеживая» сечевых казаков царской милостью¹⁷.

Тем временем 19 августа в Сечь возвратился один из конных полевых отрядов, который «труждаяся» целое лето «о языках

¹⁴ РГАДА. Ф. 124. Оп. 3. Д. 379. Л. 1–2; Там же. Оп. 1. 1680 г. Д. 22. Л. 21–22; *Величко С.* Летопись. С. 498–500. Ср.: Костомаров 1882: 608–609 (на основе д. 379).

¹⁵ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1680 г. Д. 22. Л. 23–24.

¹⁶ Там же. Л. 24–25.

¹⁷ Там же. Л. 33–35.

неприятелских», наконец смог захватить пленных «на низовом шляху, через Стрелицу лежачую». Нападению запорожцев подвергся якобы небольшой татарский отряд Аслам-мурзы, который возвращался «с своими татарами» от подвластного Турции гетмана Юрия Хмельницкого (ок. 1640 г. — после 1685 г.) в Крым. В результате погрома «тот мурза, потеряв своих татар, с малую частью едва сам в Крым ушел». Были захвачены двое языков — Мустафа Сеферлеев и Адрахман Аджи Мустафин¹⁸. После их доставки в Москву выяснилось, что они были простыми татарами, промышлявшими различной работой в Бахчисарае и нанятыми для подобной же деятельности неким Ахмед-агой, посланным ханом в Аккерман (Белгород) «на воеводство».

Прожив при Ахмед-аге около трех месяцев и не получив никакой платы, Мустафа и Адрахман вместе с другими такими же бедолагами (25 человек) решили вернуться в Крым. За два дня пути до Перекопа они-то и стали объектом нападения запорожцев, которым удалось захватить только их двоих («а товарыщи де их все ушли»)¹⁹. Этот «военный успех» был еще менее значительным, нежели захват корабля на Азовском море. Однако понимая, что в ближайшем будущем, вероятно, никаких более славных подвигов не предвидится, в то время как необходимость наладить отношения с Москвой и Батурином становилась все более острой, запорожцы все-таки решили отправить посольство в Москву с оповещением о вышеописанной стычке, значительно гиперболизировав ее значение. Посольство возглавили предводители возвратившейся полевой ватаги и полковник Григорий (Грицко) Щербиновский, есаул Демьян Редька, знатные казаки Федор (Хвеско) Рубан и Иван Борыш. С ними «в помочь» отправился сечевой писарь Петр Быхоцкий. Посольство ехало в Москву через Батурина, и новый кошевой И. Я. Стягайло просил гетмана Самойловича в письмах, написанных 22 августа, пропустить казаков в столицу безотлагательно, поддержав все их прошения²⁰.

Сведения о вражеских приготовлениях, циркулировавшие на Нижнем Днепре во время подготовки посольства Щербиновского

¹⁸ Там же. Ф. 229. Оп. 2. Д. 52. Л. 9–9об.

¹⁹ Там же. Л. 29об.–30.

²⁰ Там же. Л. 9об.–12.

или вскоре после его отправки, тем более подталкивали запорожцев к скорейшему восстановлению отношений с Москвой и Батуриным. В послании, отправленном 30 августа 1680 г. «с Коша над Чертомликом» кошевой Стягайло, желая гетману «от Господа Бога доброго здравия» и «над всеми неприятели <...> побеждение», сообщил, что запорожцы узнали от прибывших из Крыма «невольников» о выходе с полуострова крупного войска во главе с калгой²¹, которое расположилось на р. Каланчак, «ожиная самого хана». Якобы в ближайшее время все крымские и белгородские орды двинутся в набег, но куда — сечевые казаки точно сказать не могли. С этим письмом к Самойловичу двинулись казаки Семен Вергун, Тимош Пиковец и Иван Царский²². В знак лояльности Стягайло и Низового войска они доставили Самойловичу копии трех документов: адресованного Серко письма коронного польского гетмана Станислава Яблоновского, а также двух проезжих грамот, данных П. Е. Апостолу для проезда в Сечь и обратно; первая была выдана от имени польского короля, а вторая подписана уже новым кошевым 11 августа²³.

Стягайло вторил кодацкий полковник (командир запорожской крепости Кодак) Василий Прокофьев, который 3 сентября отправил в Батурина писаря и церковного служку «с товарищем», прося ввиду возможного нападения турок или татар «о присылке войска в крепость городовую кодацкую». Мелкие отряды неприятеля, по словам Прокофьева «мало что не повседневно подбегают и около крепости и нас самих замыслы поганские на него (так в рукописи. — К.К.) добре имеют». Полковник и кодацкие казаки якобы получили «подлинное» известие от кошевого атамана, «что вышла орда ис Крыму», но только не знали, «куда поворот и замыслы свои поганские будет имети». Прокофьев полагал, что в случае приступа неприятеля ему с имеющимися силами (часть казаков разбрелись «по городам за промыслы своими») будет трудно удержать крепость, поскольку людей не хватает даже на то, чтобы «осадить валы». Кроме того, в Кодаке подходили к концу запасы, данные по приказу гетмана из Полтавского полка, и теперь полковник просил Самойловича распорядиться

²¹ Калга — второе по значимости лицо после хана в иерархии Крымского ханства.

²² РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1680 г. Д. 24. Л. 12–13.

²³ Там же. Л. 5, 11, 14–15, 17–22. См. подробнее: Кочегаров 2019: 118.

доставить новые, а также прислать церковное вино, оказавшееся дефицитом в ближайших городах²⁴. 20 сентября 1680 г. указанные письма Стягайло и Прокофьева доставил в Москву стрелецкий полковник Максим Лупандин²⁵.

3 сентября стольник Перхуров сообщил гетману Самойловичу, что в Батурино было послано очередное посольство из Сечи — пять казаков во главе с Тимофеем Стрункой, с сообщением о выходе хана Мурад-Гирея (1678–1683 гг.) из Крыма «со всею ордою» и переправе двух крымских султанов на правый берег Днепра возле османских крепостей. Этих запорожцев «выше Кадаку против Саврановой пасеки» атаковал и разгромил татарский отряд. Один из казаков — Иван Семенов — спасся и прибыл 2 сентября в Орельский городок к Перхурову, который отправил его к Самойловичу²⁶. Напряженность складывавшейся вокруг Сечи обстановки подчеркивает и письмо Переяславского полковника Войцы Сербина, который 17 сентября 1680 г. сообщил гетману, что давно не имеет вестей о ватаге запорожцев, которая вместе с «охотными людми» из Переяслава пошла выслеживать неприятеля в степи²⁷.

Наступление осени, близящаяся зима, когда часть запорожцев уходила в города Среднего Поднепровья, угроза крымского нападения, отсутствие в Сечи достаточного количества военных запасов при неурегулированных отношениях с царем и гетманом не способствовали решению накопившихся проблем, а скорее провоцировали дальнейшее брожение среди запорожских казаков. Отголоски этого доносились до Перхурова, который сообщил Самойловичу 13 сентября 1680 г., что «запорожцы мыслят себе, чтобы бити челом великому государю нашему, его царскому величеству, о Дорошенке, чтобы быть кошевым Дорошенку»²⁸. Речь шла о жившем в Москве бывшем правобережном гетмане.

Гетман Самойлович прекрасно отдавал отчет в сложившейся ситуации и предпринял энергичные действия, чтобы усилить контроль над Запорожской Сечью прежде, чем посольство Щербиновского достигнет Батурина.

²⁴ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1680 г. Д. 24. Л. 6–10, 16.

²⁵ Там же. Л. 1–6.

²⁶ Там же. Ф. 229. Оп. 2. Д. 52. Л. 21об.–23.

²⁷ Там же. Ф. 124. Оп. 1. 1680 г. Д. 26. Л. 34.

²⁸ Там же. Ф. 229. Оп. 5. Д. 209. Л. 15.

Поездка в Сечь нежинского полкового судью С. П. Гречаного

В донесении на имя царя Федора Алексеевича 7 сентября 1680 г. гетман Самойлович сообщил, что по получении известия о смерти Серко немедленно отправил в Сечь доверенного человека и «знатную особу» — гадячского полкового судью Степана Прокофьевича Гречаного (ум. до 1697). Ему было поручено убедить запорожцев отказаться от контактов с Польшей и от деклараций подданства в адрес польского короля, а также добиться высылки из Сечи его «тайного резидента» П. Апостола²⁹. С. П. Гречаный повез в Сечь обширное послание гетмана, написанное 1 сентября. В документе четко очерчивались текущие задачи политики Батурина в отношении Запорожья, а также подробно излагались взгляды Самойловича на суть его отношений с Сечью, в том числе с опорой на экскурсы в недавнее прошлое.

В своем послании гетман несколько притворно (учитывая прежнюю взаимную вражду) сожалел по поводу смерти кошевого без исповеди и причастия:

Немалую жалость одержал от вас, братии нашей милой, тою ведомостью чрез посланных ваших, что Иван Серко, атаман ваш Войска Низового Запорожского кошевый, 1-го дня августа, оставивши сей свет временный, умре, и то нам болезненное было дело, что отходя сего света, яко ж мнится, что напрасною смертию. Не сподобил его Господь Бог неведомо для чего так, яко належит православному христианину в тот путь приготовиться, понеж исповеди святой не имел и причащения пречистых христовых тайн принятии не сподобился.

Впрочем, философствовал далее Самойлович, бывший сыном священника:

Каждый из вас, молодцов добрых, ведает, что никто не может того смертного часа, живучи на сем свете, временно уклониться, но все, кто ни есть толко родится на нем, может умрети. Також и помяненного атамана вашего, кошевого Ивана Серка, друга нашего, пришол час смертный, неначаemo взял его от нас, что ж имеем чинити, должны есмы судьбам Божиим вручити, понеж всякому от нас неминущей тот путь есть, толко дай Боже, чтоб не так напрасно, как

²⁹ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 52. Л. 5об.-6.

покойник, которого души желаю, дабы дал Господь Бог на том свете вечный покой.

Закончив проповедь, гетман сделал выговор запорожцам за то, что они избрали нового кошевого без его утверждения, нарушив традицию, которая якобы повелась еще со времен Богдана Хмельницкого (1648–1657 гг.):

А хотя ведаем, что по смерти Серка не мочно вам было, Войску Запорожскому, и одного дни без старшего на Коше прожити, однако ж тому отчасти удивилися есмы, что вы тотчас намедни себе выбрали кошевым атаманом доброго молотца господина Ивана Стегайла, не дали есте нам прежде о нем ведомости, чтоб мы к тому избранию к вам, Войску Запорожскому, с советом нашим региментарским могли прислужитись, как во время старого Хмельницкого бывало, понеже во время его без соизволения его кошевым никого не становлено, что и ныне годилось было учинити.

Самойлович тем не менее выразил готовность не раздувать из-за этого конфликт. Демонстративно подчеркнув, что Стягайло ему мало известен, он все же направил ему официальное поздравление в связи с избранием в атаманы³⁰.

Смерть знаменитого кошевого и выбор человека менее влиятельного, хотя и заслуженного в среде запорожцев, давали гетману весомую надежду на решение давно волновавшего его вопроса — прекращения сепаратных контактов Сечи с соседними державами и политическими образованиями, когда Серко «послов своих для особой своей корысти х которому ни есть <...> монархом посторонним мимо своего монарха посыпал». Этим покойный атаман Войско Запорожское «к великой неславе и к лехкому у его царского пресветлого величества приводил поразумению», что доставляло немало хлопот Самойловичу. Он считал, что Серко лишь «пред смертию добрым своим намерением утешил, когда в том умер, что разорвав с татарами свой мир, никогда уж не имел посылати ни до одного босурманского монарха особо и х королю полскому, за что будет имети себе мзду от Бога». Требуя от Сечи не направлять впредь никаких послов «к посторонним монархом» и не просить «никакой от них обороны»,

³⁰ «Чтоб в том чину своем, которые вверили ему, многолетно купно с вашим войском запорожским живучи, здрав был, а неприятелей Креста Святаго при помощи Божии и счастием его царского пресветлого величества, где случится, знатно громил».

гетман подчеркивал, что новый кошевой «купно с вами, рыцерями храбрыми», должен верно служить «одному православному монарху христианскому, его царскому пресветлому величеству». Самойлович призывал запорожцев, чтобы они турецкому султану, крымскому хану и польскому королю «служб своих обещати перестали», храня верность русскому царю:

Никогда вы купно всем тем монархом служити не можете, но надобно одному по Бозе благочестивому царю, которому присягу учинили есмы, держатися его и всего добра ему, великому государю, неложно должны есмы желати, который нас для одной с собою веры православной христианской на вечное подданство присяглых милостивно приняв под свою высокодержавную руку, всегда в непременном призрении своем блюдет и от всех неприятелей войски своими царскими обороняет и боронити не престанет.

Особенно волновали Самойловича контакты запорожцев с Крымом, учитывая, что подобные связи имели давнюю традицию. Это заставило гетмана сделать обширный экскурс в историю, имеющий существенное значение не только в качестве отражения взглядов Самойловича на конкретные проблемы в отношениях с Сечью в текущий момент, но и как иллюстрация его общих оценок истории Украины второй половины XVII в. Поскольку в историографии этот текст совершенно неизвестен, приведем данный фрагмент письма Самойловича запорожцам полностью.

Надобно нам и всякому добруму пожив, при доброй славе умирати, дабы есмы страшно пред Богом присяглой и душами нашими закрепленной верности нашей его царскому пресветлому величеству с постоянием без нарушения додержали и душам своим за то спасение получили, в чем способом покойного Богдана Хмельницкого последовать будем, понеж он, покойный, видя неисповедимое и неистерпимое от поляков деющиеся жителем на Украине тягости, в то время за помошю Божию обороною рукою и смелостью Войска Запорожского, садружась с татарами, отбились ис тяжкого ига полского и жителей украинных всех от нево освободил. После того, видя он, Хмельницкий, что не возмог уже с ними никоими мерами жити и хотел николижкоды уговоритись задоров ради кровавых, которых они, поляки, многажды над жителми украинскими, миром обнадеженными, вбегаочи в Украину, мстились, договорился с старшиною своею, которых немалое было число в то время по обоим сторонам Днепра, податься его царскому пресветлому величеству. И так

по совету умных людей и старшины войсковой, поддався ему, великому государю, присягу со всем Войском Запорожским и народом общим украинским учинил, что уже вечно под высокодержавною его царского пресветлого величества рукою имел обрестися, а к полской обороне никогда возвращатися не имел и с татары розорвал дружбу, впредь болши к ним приставати не имел же не токмо он сам, но и иные по нем наследующие гетманы, на что как покойных присяг ему, великому государю, так и постоянно додержал ни в чем сумнителства своего не нарушил. За то Господь Бог его благословил и яко християнину пристойно на сем свете век свой скончал. По нем та-кож де бывшие гетманы, имянно Выговский³¹, Тетеря³², Брюховецкий³³ и иные, також де и сын ево, не додержа ему, великому государю учиненную присягу, всяк искал себе из них у розных господ обороны, тогда тотчас все вскоре с сего света отидаша и память их погибे с шумом. Токмо еще Господь Бог сына его, ожидая на покояние, на сем свете держа, но и то аще ли не покаетца. Узрите милость ваша, но каков придет скорым временем конец, бо не терпит Господь никогда неправдою присягающим и имя его напрасно взывающим.

Наставая на прекращении контактов Сечи с Крымом, Самойловичу пришлось объяснять запорожцам вынужденный характер союза с ханом, заключенного некогда Б. Хмельницким. Все последующие попытки его преемников обратиться к татарам, а также к полякам и туркам за помощью привели этих гетманов к печальному концу. Историческими примерами и указанием на грех клятвопреступления Самойлович рассчитывал воздействовать на умы запорожцев и нового кошевого, одновременно обещая им всевозможные милости царя и свое неизменное «региментарское радение», которое должно было выразиться в поставках продовольствия в Сечь («кормовое вспоможение») и хлопотах в Москве в поддержку просьб запорожских казаков³⁴.

Гетман выразил надежду, что миссия Гречаного будет удачной. Его обнадеживали полученные к 7 сентября известия, что в результате «увещания» гадячского суды запорожцы якобы решили выслать

³¹ Иван Евстафьевич Выговский — гетман Войска Запорожского в 1657–1659 гг.

³² Павел Иванович Тетеря — гетман Войска Запорожского (Правобережной Украины) в 1663–1665 гг.

³³ Иван Мартынович Брюховецкий — гетман Войска Запорожского (Левобережной Украины) в 1663–1668 гг.

³⁴ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 52. Л. 12–18.

из Сечи П. Апостола «ни с чем»³⁵. Однако его выдворение из Сечи состоялась еще до прибытия туда Гречаного. Последний же появился в Запорожье лишь во второй половине сентября. Нам неизвестно содержание переговоров Гречаного и запорожцев, но сохранился ответ кошевого Стягайло и Низового войска 27 сентября на процитированное выше гетманское письмо, выдержаный в целом в компромиссном духе.

Кошевой и сечевые казаки подчеркивали, что их войско готово «всеми силами» исполнять присягу «на вечное и верное подданство», данную царю несколько лет назад. Признавая гетманский нарратив о добровольном принятии российского подданства населением Украины во времена Хмельницкого, запорожцы просили о сохранении царской милости к ним. При этом они подчеркивали, что как

Иван Серко, атаман кошевый, славной памяти, бывший, до смерти своей, присягу учинив, служил ему великому государю, так и нынешняго времяни Войско Запорожское истинно и верно ему, великому государю, в неотменных услугах пребывает.

Только после этого запорожцы упомянули о своей готовности служить и гетману. Жалуясь ему, что «казна войсковая скучно пребывает», они просили у него материальной поддержки. Отвечая на требование прекратить контакты с Крымом и Польшей, Низовое войско и кошевой атаман пытались лавировать, опосредованно давая понять, что не могут запретить соседним правителям отправлять в Сечь своих посланцев.

Мы от сего времени послов своих с Коша не пустим и посылати не будем, — писали сечевики Самойловичу, — а буде б имели послы некоторые к нам на Кош прийтить, хотя салтана турского или хана крымского, или короля полского, тогда мы без совету велможности вашей не будем их отпушати.

В сложившихся условиях запорожцы посчитали не лишним напомнить, что уже отправленное в Москву посольство должно было попросить прощения за «прошлые бесчинства» и добиться возобновления выплаты царского жалованья, которое не посыпалось в Сечь уже два года. Более того, они просили гетмана похлопотать об этом

³⁵ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 52. Л. 6.

в столице. В отдельной цидуле Самойловичу Стягайло, впрочем, довольно дерзко комментировал упреки в том, что его избрали кошевым без утверждения гетманом, что якобы нарушало обычай выбора «за ведомым гетманским» эпохи «старого Хмельницкого». Стягайло заявил, что и сейчас может быть так, «как при Хмельницком», если Самойлович будет заботиться о Низовом войске «как Хмельницкий»³⁶. Этот ответ запорожцев гетману был прислан в Москву 15 октября 1680 г.³⁷ Он свидетельствовал, что Сечь готова к развитию отношений с Москвой и Батуриным, что, собственно, продемонстрировал и прием в столице делегации запорожских казаков во главе с Г. Щербиновским.

Посольство Г. Щербиновского и его прием в Москве

5 сентября 1680 г. посольство Щербиновского прибыло в Батурин³⁸. Гетман немедленно отпустил его в Москву практически в исходном составе («в великом множестве»), не желая раздражать запорожцев сокращением численности их миссии. В посланной с ними грамоте от 7 сентября Самойлович просил царя Федора ради своей верной службы предать «вечному забвению» все прежние «нерадения» запорожцев, возвратить им «государскую милость» и немедленно отпустить обратно в Сечь с традиционным царским жалованьем и подарками для кошевого и старшины. Самых запорожских посланцев гетман предлагал одарить и привести к присяге с обещанием верной службы. После этого, писал Самойлович, царским представителям следует добиваться аналогичной присяги уже всего Войска Запорожского Низового. Сделать это необходимо для утверждения в верности царю еще колеблющихся запорожцев, якобы убежденных Гречаным отказаться от контактов с Польшей («чтоб тот же Апостолец потом туды к ним от короля не прибежал с такими ж прелестми»), и чтобы они «в предбудущее время в своих услугах лутче охотны были». Отдельно гетман рекомендовал царю П. Быхоцкого, от которого получил ценную информацию о событиях в Сечи³⁹.

³⁶ Там же. Ф. 124. Оп. 1. 1680 г. Д. 27. Л. 29, 32–35.

³⁷ Там же. Л. 22.

³⁸ Там же. Ф. 229. Оп. 2. Д. 52. Л. 4об.–5.

³⁹ Там же. Л. 5–8.

20 сентября⁴⁰ Щербиновский и его товарищи прибыли в Москву. В посланной с ними грамоте запорожцы сообщали о смерти «верного слуги» царя — кошевого Серко, который «посланной ему от Бога смертию оставил свет, соверша вашему царскому пресветлому величеству свою службу». Они искали царского милосердия за то, что «нужд наших ради и утеснения в прошлых временах учинилось нерадением, которым дабы есмы от милости вашей, великого государя не отлучились, имеем опасение». Сечевые казаки просили у Федора Алексеевича прощения за действия Серко и выдачи царского жалованья («которого два года не имея, в великом утеснении нашего убожества живем»): денег, сукна, свинца, пороха, обещая взамен «верно служить и по достоинству вашего царского пресветлого величества против всякого врага стояти нещадно и умирать», и более не начинать «без ведомости вашего царского пресветлого величества никакова противного отговору»⁴¹.

Привезенная запорожскими представителями инструкция из десяти пунктов, врученная им на сечевой раде, 21 сентября была подана в Малороссийский приказ. Согласно ей, посланцы должны были перед лицом царя засвидетельствовать свою «верную и неотменную службу» (пункт 1) и просить прощения за «какие ни есть противные нерадения», в частности — за заключение перемирия с турками и татарами без санкции Москвы, за сношения «без воли» царя и «без ведома» гетмана с «посторонними монархами» (пункт 2). В последнем случае речь шла о польском короле, и здесь казаки сваливали все на Серко, которому, как они писали, «не были <...> яко старшему нашему противны» (пункт 4). Вновь повторялись обещания верно служить царю и жить «во единой мысли» с гетманом Самойловичем, не посыпать посольств «ни х кому к посторонним монархом — к турскому салтану и х крымскому хану, особенно х королю польскому», и не просить у них «обороны и милости», а все послания от них «доносити до ведомости» царю и гетману (пункты 5, 6 и 7). Причитающееся им жалованье запорожцы просили прислать вместе с возвращающимся посольством Щербиновского и царскими представителями либо несколько позже (пункт 9). Пункт десятый констатировал, что инструкция обязательно должна быть предъявлена

⁴⁰ О дате приезда посольства см.: РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 52. Л. 74об., 79.

⁴¹ Там же. Л. 22об.-25.

гетману Самойловичу («предводителю всех нас, сынов малоросийских») и одобрена им (в том числе потому, что не имела печати Низового войска⁴²). Об исполнении этой процедуры свидетельствовала гетманская помета в конце документа⁴³.

Наиболее содержательным был третий пункт инструкции, о котором стоит сказать отдельно. Сечевые казаки жаловались, что «за усилованием неприятелским бусурманским удержаны наши казацкие на Днепре реке ходы к морю». Если раньше запорожцы «пробивались» вниз по Днепру «чрез два городки турецкия», то теперь османы построили «пять городов, и те на премых наших переходах с военными людми и з доволством пушек поставлены», из-за чего казаки могли попасть «к полям низовым» лишь «полевым переходом». В результате запорожцы испытывали «великое утеснение» и больше не могли ловить в низовьях Днепра рыбу и разбойничать, нападая на турецкие и татарские отряды в поисках добычи. Казаки открыто признавали неспособность собственными силами устранить возникшие препятствия: «тех ради мер усилствовали многажды мы о нашем угодье с поганы воеватися, разумели есмы свою несилу против большого их поганского размножения». Они вспоминали, как активно сражались на стороне России до построения крепостей, когда во время первой обороны Чигирина (1677 г.) «суды морские взяв, неволников имели есмы турков несколко сот», которых было весьма накладно содержать («и тех у себя два годы держачи, прискучили есмы нашим недостатком кормити их»). Запорожцы подчеркивали, что потребность в обмене пленными стала одним из главных факторов, заставивших Серко искать перемирия «з бусурманы»⁴⁴.

Помимо официальных посланий на имя царя Федора, гетман и кошевой атаман сочли необходимым отдельно написать руководителю Малороссийского приказа думному дьяку Лариону Иванову

⁴² Из грамоты царя Алексеевича к гетману И. Самойловичу, высланной по результатам посольства, следует, что «войсковая печать» у инструкции была. Следовательно, она была приложена уже в гетманской канцелярии (Там же. Л. 75, 76).

⁴³ Там же. Ф. 229. Оп. 2. Д. 52. Л. 25–29об. В неполном столбце Малороссийского приказа сохранились четыре листа, включающих два начальных листа инструкции (содержат начало 1-й статьи), а также два разрозненных листа письма И. Я. Стягайло 21 августа. См.: Там же. Ф. 124. Оп. 1. 1680 г. Д. 25. Л. 1–4.

⁴⁴ Там же. Ф. 229. Оп. 2. Д. 52. Л. 26–26об.

(ум. 1682). Самойлович в письме 7 сентября особенно рекомендовал «проспросить о тамошнем поведении» сечевого писаря Петра Быхоцкого, в том числе о деятельности покойного Серко и его польских контактах. По мнению гетмана, рассказ писаря должен был убедить Л. Иванова настоять на том, чтобы прибывшие в Москву запорожцы, а позднее и кошевой со старшиной (без участия «черни Войска Низового Запорожского») в обмен на удовлетворение их просьб приятали на верность царю и гетману. Отдельно Самойлович настаивал на том, чтобы глава Малороссийского приказа самолично сделал запорожцам выговор за самовольное избрание кошевого атамана без санкции гетмана⁴⁵. В письме Стягайло и сечевых казаков более кратко излагалось содержание грамоты к царю Федору с просьбой об оказании протекции в их нуждах⁴⁶.

Официальных переговоров с посольством Щербиновского не велось, но русское правительство в соответствии с рекомендацией Самойловича сочло необходимым допросить прибывшего в столицу в составе запорожской миссии писаря П. Быхоцкого. Дата этого допроса неизвестна, но, судя по всему, он состоялся 21–22 сентября — в день прибытия запорожцев в Москву либо на следующий день и до заседания Боярской думы, где обсуждалась политика в отношении Запорожской Сечи. Основное содержание беседы, которая в значительной степени формировалась взгляды на события последних месяцев в Сечи как в Москве, так и в Батурине, уже излагалось выше. Следует отметить попытки Быхоцкого убедить русские власти в необходимости и возможности привлечь нового кошевого на свою сторону, обнадеживая «ево государскою милостью». В этом деле писарь выражал готовность послужить, предлагая, чтобы царское жалование было отправлено в Сечь вместе с возвращающимся туда запорожским посольством (надо понимать, как можно скорее), чтобы ему с единомышленниками было «надежнее <...> приводить ево, Стегайла, и Войско Низовое к его государской милости». Быхоцкий считал это весьма важным, утверждая, что возвращение запорожской делегации без жалованья вызовет в адрес него обвинения со стороны запорожцев:

⁴⁵ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 52. Л. 32–35. Еще один список письма см.: Там же. Оп. 1. Д. 157. Л. 1–6.

⁴⁶ Там же. Оп. 2. Д. 52. Л. 35–37. Еще один список письма см.: Там же. Оп. 1. Д. 157. Л. 7–10.

Паче всех будет нареканье на него, писаря, потому что он всегда при Серке и после Серка удерживал их непостоянство обнадеживаньем милости государской, а естли де без того приехать, то де ему впредь ни в чем не поверят и опасно того, чтоб над ним и беды какой не зделали.

Под конец разговора он прямо заявил, что если жалованье не будет послано сейчас, то он на Запорожье не поедет, а останется жить у гетмана Самойловича⁴⁷.

Запорожский вопрос показался в Москве настолько важным и срочным, что для его обсуждения в Золотой палате Боярская дума собралась уже 23 сентября, в отсутствие государя, который выехал на богомолье в Троице-Сергиеву лавру. Заслушав инструкцию запорожского посольства, показания П. Быхоцкого, письма кошевого и гетмана, бояре вынесли приговор, оформленный в семи статьях. Согласно ему представителей Сечи следовало призвать в Малороссийский приказ, объявить «государское милостивое слово», напомнить им о присяге на верность царю, данной всем Низовым войском ранее (в 1676 г.), отчитать их «против гетманского челобитья» за самовольное избрание кошевого, но «слехка, не имянуя гетманского имени в том выговоре, только то сказать, что довелось было им о том по прежним войсковым обычаям о том согласитца з гетманом». Одновременно следовало подчеркнуть, что когда сечевые казаки «инструкцию свою по должности своей прислали с посланцы своими к гетману, и тем они то дело исправили, а впредь бы в таких мерах были остерегателны и противно праву ничего не чинили». Пожутив, Щербиновского и его товарищей предполагалось немедленно «обнадежить <...> государскою милостию» и объявить, что царь Федор Алексеевич прощает запорожцам «прежние вины и преступления», при условии, что впредь они будут служить верно и «никаким плевосиятальным речам, кто будет чинити на ссору меж войском не принимали и не верили так же бы ни на какие прелести салтана турского и хана крымского и на иных и на лстивые их присылки <...> не склонялись». После этого все посольство должно было присягнуть на верность государю «пред святым Евангелием» в Архангельском соборе Кремля. Было решено и инициировать присягу всей Сечи перед московским посольством, которое доставит туда жалованье.

⁴⁷ Там же. Оп. 2. Д. 52. Л. 43–43об.

Постановив выдать приехавшим в Москву казакам жалованье за приезд, дума оставила на усмотрение самодержца вопрос: давать ли посланцам повторную аудиенцию («видеть <...> государские очи в другой ряд»)⁴⁸, чтобы еще раз «вины их выговорить пред лицем его царского величества», либо же немедленно отпустить во-свояси «со обнадеживанием его государские милости». Бояр волновало, что П. Апостол вновь может прибыть в Сечь «с прежними прелестями», поэтому они предлагали отправить царское жалованье туда как можно скорее, «и то им будет великая надежда, и как запорожаня в той надежде будут, то и делу ево, государеву, для которого послан Василий Тяпкин, будет при помощи Божии помочь немалая». Стольник и полковник Василий Михайлович Тяпкин был недавно отправлен в Бахчисарай в качестве посланника для заключения мирного договора с крымским ханом и османским султаном, и в Москве полагали, что стабильность в Запорожье и лояльность Сечи царским властям послужит скорейшему подписанию соглашения на выгодных для России условиях. На челобитье казаков о выплате жалованья за три года решили ответить уклончиво: «и о том в ево государеве грамоте написать, что впредь ево государская милость к ним будет, смотря по их службе». То есть на данный момент решили жалованье за три года сразу не выдавать, но и не объявлять категорично о его отмене, чтобы мотивировать лояльное поведение запорожцев по отношению к Москве и Батурину в ближайшем будущем. Более того, дума полагала возможным отпустить посланцев в Сечь, «увеселя их настоящим государским жалованьем дачею, хотя б что и излишнее дать». Годовое жалованье предлагалось послать вместе с Щербиновским, как и рекомендовал Быхоцкий, в сопровождении царского представителя. По традиции, богатое жалованье предназначалось старшине. Самому кошевому следовало отправить две пары соболей стоимостью по 7 руб.

⁴⁸ Это упоминание как будто свидетельствует, что сразу после прибытия казаки Щербиновского были допущены к царской руке. Дело, однако, в том, что уже 21 сентября царский двор выехал в Троице-Сергиеву лавру (Дворцовые разряды. СПб., 1855. Т. 4. (С 1676 по 1701 г.). Стб. 177–187). Описания царской аудиенции 20 сентября в деле нет. Более поздние свидетельства о допуске казаков «пред царские очи» имеются в царских грамотах гетману и кошевому, врученных Щербиновскому и его товарищам перед выездом (РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 52. Л. 75об., 80об.). Но не исключено, что это, как и упоминание в приговоре думы, лишь дань приказному формализму, а в реальности аудиенции не было.

каждая, два сорока соболей по 50 руб., «два вершка бархатных червчатых на шапки», а также «камки куфтерю жаркой да отласу гладкого червчетого по десяти аршин, по пяти аршин сукна багрецкого, одно малиновое, другое красное». Сечевым судье и есаулу планировалось пожаловать «против того в полы» (то есть, например, одна пара соболей в 7 руб. и один сорок соболей в 50 руб.), а писарю выдать в Москве такую же, как им, «дачу тайно сверх настоящей ему дачи»⁴⁹. Всему войску было выделено: 1 тыс. ефимок или 500 золотых, 150 половинок «сукон амбурских», 50 пудов пороха и столько же свинца. Обо всех принятых решениях государевой грамотой «с милостивым словом» следовало уведомить И. Самойловича. Как видно, в общем и целом дума действовала в русле его рекомендаций.

Боярское решение было немедленно отправлено в Троице-Сергиеву лавру. Оттуда уже 25 сентября был послан ответ на имя ближнего боярина князя Якова Никитича Одоевского (ум. 1697), управлявшего Москвой в отсутствие самодержца, с утверждением думского приговора и распоряжением отпустить из столицы посольство Щербиновского, приведя казаков к присяге на верность царю и по умолчанию — без прощальной аудиенции. Государево жалованье предписывалось отправить в Сечь с дворянином Ионой Леонтьевым (или его братом Борисом) немедленно⁵⁰. Обоих, впрочем, в Москве не оказалось («съехали в монастырскую свою деревню для розделу»), поэтому князь Одоевский с товарищами назначил в «запорожскую посылку» дворянина Семена Аверкиева сына Бердяева и подъячего Малороссийского приказа Михаила Савина. Оба были отправлены к царю для пожалования к «государской руке» перед выездом⁵¹. 27 сентября Малороссийский приказ отправил памяти в иные ведомства о выдаче жалованья запорожцам в соответствии с утвержденными думой нормами: в Большую казну — о выдаче денежной части жалованья Низовому войску (1 тыс. ефимков или 500 золотых), в Сибирский и Казенный приказы — об отпуске

⁴⁹ В грамоте гетману И. Самойловичу указывалось, что жалованье П. Быхоцкому составило «сорок соболей в пятнадцать рублей, пара соболей в семь рублей, вершок на шапку бархатной, пять аршин сукна багрецового, десять аршин отласу» (РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 52. Л. 76об.).

⁵⁰ Там же. Л. 44–49об.

⁵¹ Там же. Л. 70–70об.

соответственно соболей и дорогих тканей, в Пушкарский приказ — о выделении по 50 пудов пороха и свинца⁵².

В рамках принятых думой решений и общей тактики правительства на «увеселение» прибывших в Москву запорожцев Малороссийский приказ приложил значительные усилия, чтобы посольство Щербиновского ни в чем не знало нужды и отказа. 21 сентября состоялся царский указ о выдаче казакам «харчю» на 2 руб деньгами (за два дня, в том числе за вчерашний) и отдельно «питья» — 10 ведер вина и 10 ведер меда. Это был так называемый стандартный «поденный корм», который следовало выдавать казакам до их отъезда из Москвы. Однако в этот раз, желая добиться лояльности запорожцев, власти неоднократно отдавали распоряжения о выдаче им продуктов «сверх поденного корму». Так, 22 сентября последовал указ купить для сорока двух казаков дополнительно «четыре ведра вина двойного, двадцать ведр меду, тридцать ведр пива, две белуги, два осетра, пуд икры паюсной, сто пучков вязиги, пол пуда икры зернистой, две четверти круп грешневых, четыре пуда соли, сорок хлебов ситных, двадцать колачей копеечных, пять ведр уксусу, капусты на пол полтины, луку на пять алтын, пятнадцать ведр вина простого»⁵³. Уже на следующий день, 23 сентября, было приказано в мясные дни покупать для запорожцев «сверх поденного корму и прежней приказной дачи в приказ по вся дни, покамест они на Москве побудут», следующий набор продуктов: «четыре туши бараньих больших, по полтию ветчины или свинины, по четыре гуся, по четыре утки или по пяти куриц русских, по сороку хлебов ситных, по двадцати калачей копеечных, луку, капусты, уксусу, соли по пяти алтын на день». Выяснилось, однако, что восемь казаков держат пост не только в среду и пятницу, но и в понедельник («понедельничают»). Последовал указ о закупке для них отдельно свежей рыбы на 10 алтынов, который повторялся в последующие дни. Неоднократно отдавались распоряжения о сверхнормативной

⁵² РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 52. Л. 71–74об. В тот же день в Ямской приказ поступила память о выделении подвод для транспортировки царского жалованья в Сечь, а на следующий день в Стрелецкий — о снаряжении отряда стрельцов для сопровождения груза до Калуги (было направлено 15 чел.).

⁵³ Указ о закупке сходной номенклатуры продуктов повторен 29 сентября; здесь добавились еще фунт перца, два ведра церковного вина, свежая рыба, включая как «воззовую», то есть выловленную и привезенную для продажи, так и «живую», продавшуюся в специальных емкостях с водой.

выдаче алкогольных напитков, причем ее размеры стабильно росли: «ведро вина двойного» 23 сентября; «ведро вина двойного, пять ведр меду» 24 сентября; два ведра двойного вина, пять ведер простого вина и десять ведер меду 26 и 28 сентября; 5 ведер простого вина, 10 ведер меда 3 октября и т. д. 1 октября в честь праздника Покрова Малороссийский приказ распорядился купить запорожцам «живой ушной рыбы» (то есть для варки ухи) на 13 алтынов 2 деньги; свежей рыбы на 20 алтынов, выдать два ведра двойного вина, два ведра церковного, 10 ведер меда и 20 пива⁵⁴. Не будет преувеличением сказать, что двухнедельное пребывание в Москве превратилось для запорожских казаков в продолжительный пир на нескудных московских харчах.

30 сентября все запорожское посольство было приведено к присяге в Архангельском соборе с обещанием верной службы и активизации «воинского промысла» над «неприятели Креста Святаго», прекращения любых контактов с Крымским ханством и Османской империей (Польша упомянута не была, но несомненно подразумевалась) и осуждением «противных поступков» покойного кошевого Серко⁵⁵. Судя по тому, что записи о прощальной царской аудиенции в приказной книге нет, отпуск посланцев состоялся в Малороссийском приказе. На отпуске Щербиновскому пожаловали 10 руб. деньгами, «сукно лундыши» длиной 4,5 аршина, пару соболей стоимостью 8 руб. и «камку»; сечевые писарь, есаул и двое других знатных запорожцев получили по 8 руб. деньгами, «по сукну кармазинному, по тафте, по паре соболей по 6 рублей». Остальным казакам (37 человек) было вручено по 4 руб. деньгами, «по сукну аглинскому, по паре соболей по 2 рубли» каждому⁵⁶. Во врученной Щербиновскому царской грамоте кошевому и всему войску, датированной 1 октября, сообщалось о милостивом принятии посольства, прощении вины казакам за проступки времен атаманства Серко по ходатайству гетмана Самойловича, и об отпуске в Сечь царского жалованья с дворянином

⁵⁴ Там же. Л. 54–67об., 69–69об.

⁵⁵ Там же. Л. 49об.–51об. К присяге запорожцев приводил соборный протопоп Федор.

⁵⁶ Там же. Л. 49об.–50. Памяти с указом о выдаче жалованья были даны в Казенный и Сибирский приказы уже 23 сентября (Там же. Л. 57об.–58). Впоследствии нормы жалованья были несущественно скорректированы, в частности 2 октября в Сибирский приказ была дана память выдаче куренному атаману Федору Степанову пары соболей в 4 руб. (Там же. Л. 69).

Семеном Бердяевым⁵⁷. Петр Быхоцкий задержался в Москве на несколько дней «для своих дел». Грамота от 8 октября, отправленная с ним к гетману, содержала краткую информацию об отпуске делегации сечевиков и царского жалованья⁵⁸.

Для отъезда запорожского посольства из Москвы Ямской приказ 1 октября выделил 40 подвод и дополнительно для задержавшегося в столице сечевого писаря — четыре подводы⁵⁹. В дорогу для них закупили два ведра двойного вина, 10 ведер простого вина и столько же ведер меда, 20 ведер пива, четыре полти (половина свиной туши) ветчины, два осетра⁶⁰. 5 октября к этому «сверх дорожного приказного питья» добавили еще ведро двойного вина, четыре ведра простого вина, 5 ведер меда и 10 ведер пива⁶¹. Отпуская из Москвы сытых и хмельных запорожцев, в Малороссийском приказе надеялись, что бюджетные средства на поощрение их чревоугодия были потрачены не зря.

Грамоты, врученные Щербиновскому и Быхоцкому, носили скорее формальный характер. Более пространным было содержание грамот гетману Самойловичу и кошевому Стягайло, которые повезло русское посольство в Запорожскую Сечь. Царской грамотой гетмана «похвалили» за «верную службу» и сохранение контроля над Запорожьем и сообщили о милостивом принятии посольства, прощении запорожцам их вины за проступки Серко (подчеркивалось, что казаки «совершенно себя в той вине признали»), выговоре за самовольное избрание кошевого и распоряжении впредь делать это по согласованию с Батуриным, пожаловании миссии Щербиновского сверх установленных прецедентов «излишним жалованьем» (и отдельно — Петра Быхоцкого), высылке в Сечь государева жалованья вместе с возвращавшимся сечевым посольством. Особый акцент в грамоте делался на то, что все это исполнено по ходатайству гетмана (что в общем-то соответствовало действительности), а самим запорожцам было заявлено, чтобы они

[С] тобою, нашего царского величества подданным, были во единомыслии и должно послушание тебе отдавали, и всякой крепости

⁵⁷ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 52. Л. 51об.–53.

⁵⁸ Там же. Л. 53–54.

⁵⁹ Там же. Л. 66–66об.

⁶⁰ Там же. Л. 68–68об. Указ от 2 октября.

⁶¹ Там же. Л. 69об.–70.

и твердости стояли, и по стародавному войсковому обычаю чинили над неприятели Креста Святаго всякие промыслы как возможно, и были во всем надежны на нашу государскую милость и при помощи Божии на оборону.

Самойловича ставили в известность, что подкрепить эти заявления московского правительства должна была новая присяга запорожцев на верность царю, которую поручили провести дворянину С. А. Бердяеву. Приняв его и подьячего Савина, гетман должен был отпустить их в Сечь, дав подводы и провожатых «по вестям» и «по своему разсмотрению»⁶². С грамотой гетману в целом согласовывалась и царская грамота кошевому Стягайло и Низовому войску, которую вез Бердяев. В ней сообщалось о милостивом принятии посольства, отправке жалования, прощении вины за «противности» покойного кошевого Серко, выдвигались требования верной службы царю, строгого послушания гетману и принесения присяги подобно тому, как это сделало посольство Щербиновского в Москве⁶³.

Поездка в Запорожскую Сечь царских посланцев с жалованьем

Царский указ об отправке в Сечь с жалованьем дворянина С. А. Бердяева и подьячего М. Савина последовал 28 сентября⁶⁴. Наказом 30 сентября им предписывалось сначала ехать к гетману Самойловичу, который, в свою очередь, должен был отпустить их в Запорожье. Прибыв туда, посланцам следовало объявить кошевому и всем казакам о милостивом принятии посольства Щербиновского государем и его решении простить запорожцам их «вины и преступления, что поводом прежняго кошевого атамана Ивана Серка чинилось», а также потребовать не только прекращения любых контактов с ханом и султаном, но ведения против них «военного промысла» по царскому указу. Все это, впрочем, озвучивалось самому посольству Щербиновского и излагалось в царских грамотах Низовому войску. После этого запорожцы должны были принести присягу

⁶² Там же. Л. 74об.–78об. Отпуск грамоты не имеет точной даты, указан лишь месяц — сентябрь.

⁶³ Там же. Л. 79–82об.

⁶⁴ Там же. Л. 88об.

на верность в соответствии с данным царским посланцам «образцовым письмом»⁶⁵.

Бердяев и Савин отправились в путь 6 октября вместе с миссией Щербиновского и прибыли в Батурин 24 октября. В тот же день дворянина и подъячего принял Самойлович, прислав для их встречи канцеляриста В. Л. Кочубея с коляской. После приема и торжественного вручения гетману царской грамоты, московские дипломаты отбегали у него с делегацией сечевиков. Самойлович

[З]а обедом запорожских посланцев обнадеживал великого государя милостью, чтоб Низовое Войско Запорожское были во всем надежды на милость великого государя и ни на какие прелести и на льстивые присылки, как было при Иване Серке, не склонялись и иного б государя себе, опричь християнского государя — его царского величества, — не искали.

Как бы в подтверждение своих речей в ходе пира «про здоровье великого государя велел гетман стрелять изо всего пушечного большого наряду и стреляли дважды». 27 октября Самойлович отпустил Бердяева, Савина и запорожцев в Сечь в сопровождении своего представителя — гарматного есаула⁶⁶ Степана Соломахи. Половина членов посольства Щербиновского, включая войскового писаря Быхоцкого, остались в Малой России, а остальные 25 человек провожали Бердяева и Савина до Сечи. Эти казаки, судя по всему, также хотели оставаться зимовать «в городех», однако Самойлович уговорил их ехать с царскими посланцами, чтобы они, «проводя великого государя казну

⁶⁵ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 52. Л. 82об.–88. Текст присяги был следующий: «Я, Низового Войска Запорожского кошевой атаман Иван Стегайло, и старшина обещалися Господу Богу пред святым сим Евангелием на том, что служити нам великому государю нашему, царю и великому князю Феодору Алексеевичу, всея Великия и Малыя, и Белыя Росии самодержцу и его государским наследником верно, и против всякого его государского неприятеля стоять и прежних противных поступков, что чинили для бывшаго кошевого атамана Ивана Серка не чинить, и никаким плевосеятельным речам, что учнет чинити на ссору между Войском Запорожским, не принимати и не верити. Также и салтана турского и хана крымского, и на иных никакие прелести и на льстивые их присылки, как было пред тем, не склоняюща и никаким прелестным писмам не верить, и над неприятели Креста Святаго над турскими и крымскими людми и над их городами воинской промысл чинить» (Там же. Л. 87–87об.).

⁶⁶ Гарматный есаул — артиллерийская должность в городовом Войске Запорожском. Осуществлял общее руководство артиллерией и надзор за артиллерийским парком.

на Запорожье, и войску государским жалованьем похвалились». После этого гетман разрешил им вернуться в города, обещая «для зимовья становище дать». 12 ноября⁶⁷, «не доеzzая до Сечи», Бердяев и Савин послали к кошевому и старшине объявить о своем прибытии. Получив эту весть, И. Я. Стягайло «и старшина, и все послопство, вышли навстречу из города пеши с ружьем, а кошевой и старшина стояли без шапок». Царские посланцы и Соломаха, подъехав ближе, за десять сажен спешились и пошли к ним. В момент встречи раздался приветственный салют: «казаки стреляли изо всего мелкова ружья и ис пушек».

13 ноября состоялась рада с участием московских посланцев и Соломахи. Бердяев обратился к казакам с речью «по наказу» о милостивом принятии посольства Щербиновского в Москве и прощении запорожцев, а затем в подробностях объявил состав привезенного царского жалованья, призвал казаков сохранять верность православному монарху, подтвердив это присягой на Евангелии. Стягайло, выслушав Бердяева, спросил своих подопечных: готовы ли они присягнуть? Войско в ответ зашумело, и «многие казаки говорили, для чего им присягать, а они де великому государю не изменяли и изменять не хотят». Недовольство вызвали недостаточные, на их взгляд, размеры жалованья: «а великого государя жалованья, сукон, прислано к ним мало, поделитца войску не чем не будет на человека и по пол аршину». Запорожцы завидовали казакам Войска Донского, которым будто бы посылают из Москвы «денег и сукон и хлебных запасов много, и донские де казаки тем ево государевым жалованьем издоволны, а они де против донских казаков оскорблены, и говорили в раде шумно».

Бердяев и Савин в ответ продолжили настаивать на присяге, предлагая недовольным написать великому государю о всех своих пожеланиях. В дело вступил Соломаха, пообещавший сечевикам от имени Самойловича, что за верную службу царю гетман будет регулярно отправлять «к ним на войско <...> хлебных запасов» и де-нежное жалованье из тех сумм, «которые збираютца с оренды» (то есть с откупов). Он предложил избрать «добрых и знающих людей» и послать к гетману, чтобы «о том посоветовать, сколко в год хлебных запасов надобно».

⁶⁷ В статейном списке ошибочно указано 15 ноября.

Стягайло стал агитировать за присягу, заявив, что «как они, войско, похотят или не похотят великому государю в верной своей службе веру учинить, только он, кошевой, перед святым Евангелием обещание учинит». Он обратил внимание собравшихся, что в предыдущие годы из-за «недружбы» Серко и Самойловича «войску было недобро», поскольку «великого государя жалованья и от гетмана <...> хлебных запасов не было к ним многие годы» (на самом деле — два с лишним года). Однако запорожцы не слушали и «кошевому и старшине говорили невежливо, есть де им за что веру учинить, что прислано к ним старшим государево жалованье великое». Раздавались обвинения в адрес Щербиновского и его товарищей (они, кстати, предусмотрительно на раду не явились), которые якобы просили в Москве жалованье только атаману и старшине, а не всему войску. Страсти накалялись, и казаки на Бердяева и Савина «кричали <...> с великим шумом».

Желая действовать на толпу личным примером, кошевой и старшина направились прямиком в церковь присягать. Однако тут проявил активность новый сечевой писарь Петр Гук. Как позднее объяснили царским посланцам Стягайло с судьей и есаулом, Быхоцкий задолго до отправки в Москву Щербиновского «писарство свое здал, а был в тое пору писарем он, Петр Гук, а Петра де Быхоцкого по ево челобитью придали они к посланцам своим для писма». Стоит отметить, что Быхоцкий в грамотах кошевого гетману об отправке посольства не назван бывшим писарем и, возможно, Стягайло и сечевая старшина умышленно скрыли этот факт, чтобы повысить шансы получения им богатого царского жалованья в столице. Да и вообще, не была ли вся сцена с демонстративными попытками кошевого и старшины идти в церковь и противодействие этому со стороны войскового писаря и, должно быть, каких-то не упомянутых его сторонников разыграна специально для русских посланцев? Так или иначе, Гук заставил Стягайло выйти «из церкви в курень». Бердяев послал к кошевому Савину, требуя принести присягу, но тот изображал нерешительность, заявив, что «ево до того не допустит писарь, и в войску мутит за то, что не прислано к нему великого государя жалованья». Сам Гук заявил Савину, что решение о присяге отложено до следующей рады, которая должна состояться в другой день. Чуть позже он прямо высказывал царским посланцем свою обиду, что «не взыскан великого государя жалованьем». В результате, как

записано в их статейном списке, «того числа за великим упорством присяги не было».

14 ноября «после заутрени» сечевая рада собралась вновь. П. Гук, видимо после неофициальных обещаний Бердяева и Савина, не отраженных в статейном списке, изменил позицию. Он уговаривал принести присягу запорожцев, по-прежнему шумевших из-за малого количества присланного сукна. Наконец, казаки утихомирились и согласились.

И с той рады, — записано в статейном списке, — кошевой атаман и судья, и ясаул, и писарь, и куренные атаманы, и послолство вышли в церковь и пред Святым Евангелием впредь на верную свою службу обещание учинили, а крестоприводное писмо пред Евангелием кошевому и всему послолству по наказу чел подъячей Михайло Савин.

После присяги «кошевой атаман и все послолство за многолетное здравие великого государя молебствовали».

Только после «веры и молебного пения» Бердяев и Савин приступили к раздаче жалованья. Позднее Соломаха в присутствии только московских дипломатов вручил кошевому гетманский подарок — «саблю оправную с чернью, позолочена, турского дела». Миссия была выполнена, Бердяев, Савин и Соломаха собирались в обратный путь. На прощанье Стягайло обещал им:

Если де впредь к нему <...> будут о каких делах писать салтан турской и король полской, и хан крымской, или ково будут присыпать, и он, кошевой, конечно к гетману Ивану Самойловичу о всем о том будет писать и те писма присыпать, а без гетманского ведома ни о каких делах писать и пересылки чинити ни с кем не будет.

14 ноября царские посланцы и гетманский представитель выехали из Сечи, прибыв в Батурино 23 ноября⁶⁸.

Вместе с ними в гетманскую столицу приехали представители Низового войска — три куренных атамана («знатное товарство»): Лукьян, атаман Поповского куреня, Павел — Кущунского куреня, Сулима — Кисляковского. Они доставили Самойловичу две грамоты кошевого от 15 ноября. Стягайло сообщил, что войско «радосно» приняло царское жалование и принесло требуемую от него присягу

⁶⁸ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 52. Л. 103–110.

на верность. Называя гетмана «чадолюбивым отцом», кошевой благодарил его за ходатайство о нуждах Запорожской Сечи перед царским престолом, желая Самойловичу

[Д]обраго здоровъя на всяком месте и на всякой час и во всяком деле богоугодном счастиваго поведения, на вся враги видимые и невидимыя победы, многолетного жития, бессмертныя на земли славы, а в царствии небеснем живота вечного.

Подобный льстивый тон был избран неспроста. Далее Стягайло деликатно излагал проблему недостаточного количества царского жалованья. Казаки даже специально не стали делить его на гла-зах Бердяева и Савина, что бы те не увидели, сколько на самом деле придется на каждого казака. С целью раздела присланного из Москвы сукна писарь П. Гук «переписал по куреням все войско», и в результате проведенных подсчетов вышло «ис полутораста половинок на всякого казака по полу локтя». Ссылаясь на заявление Бердяева, что казаки могут бить челом царю о своих нуждах повторно, кошевой заявил Самойловичу, что войско решило не посыпать своих по-слов с этими просьбами в Москву, а вновь избрать своим ходатаем гетмана. Соответственно, Стягайло просил об увеличении жалования, чтобы запорожцы «не имели ни в чем нужды, как и Войско Дон-ское». Помимо жалованья, кошевой просил Самойловича добиться посылки царского войска для уничтожения турецких крепостей в ни-зовьях Днепра, которые, по признанию Стягайло, «нам суть великою помешкою». Непосредственно к гетману была обращена просьба коман-дировать весной в Сечь мастера для литья пушек («а что было у нас добрых пушек, те все попортились») либо забрать оттуда пу-шечную медь и прислать уже готовые орудия⁶⁹.

Гетман принял запорожское посольство еще до аудиенции Бердяеву и Савину, которым позднее рассказал, что кошевой, отвечая на предложение Соломахи, прислал к нему «от всего войска послан-цов бить челом ему, гетману, о хлебе и о денгах, чем бы им на Коше в год было прожить». Гетман, по его словам, заявил представителям Сечи, что если они

[В]предь будут великому государю служить верно и жить постоянно, и ни на какие прелести не будут склонята, и он, гетман, обещает

⁶⁹ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 52. Л. 96об.-99.

к ним присыпать на Кош на всякой год хлебных запасов нескудно, чем им войску в год мочно прожить, и денег будет посыпать ис тех, которые збираютца с оренды по чему доведетца.

Самойлович также просил Бердяева и Савина передать его ходатайство об увеличении царского жалованья запорожцам в Москву, а кроме того — отдельно пожаловать писаря Петра Гука⁷⁰.

В Москву Бердяев и Савин вернулись около 12 декабря, доставив грамоты гетмана⁷¹ и кошевого. Последний, конечно же, несколько лукавил, когда писал Самойловичу, что войско избрало его единственным ходатаем и посредником в отношениях с царем. Хотя куренные атаманы со своим ходатайством действительно дальше Батурина не поехали, это не помешало Стягайло изложить свои просьбы во врученной Бердяеву и Савину грамоте на имя царя Федора Алексеевича. Благодаря самодержца за присланное жалованье⁷², сообщая о принятой присяге, обещая верно служить и т.д.⁷³, запорожцы, подлаживаясь под традиционную форму московской члобитной, писали:

Великий государь, царь и великий князь Феодор Алексеевич, пожалуй нас, подданных своих царьских, своим жалованьем, сукнами, денгами и хлебными запасами, порохом и свинцом, чтоб мы, Войско Запорожское, служа тебе, великому государю, в нуждах наших скучести не имели, как и на Дону Донское Войско ничем не скучно.

Просили сечевые казаки напрямую и о военной помощи — прислать по весне отряд ратных людей и калмыков, чтобы уничтожить турецкие крепости на Нижнем Днепре⁷⁴.

⁷⁰ Там же. Л. 110–110об.

⁷¹ В гетманской грамоте царю от 29 ноября излагались результаты посольства Бердяева и Савина, описание приема миссии трех атаманов и ходатайство Самойловича о нуждах Сечи (Там же. Л. 94–96об.).

⁷² При этом ехидные запорожцы, дотошно перечисляя все, что прислано от царя в Сечь, не удержались от дополнения в скобках: «А писарю нашему войсковому ваше царское величество и на шапку одного соболя не пожаловал» (Там же. Л. 101об.).

⁷³ «Единокупно от вышняго в Троице славимого Бога вашему царскому величеству на высоких преславых великих ваших государских российского царствия и вашему царскому пресветлому величеству счастливого и долгоденственного государства на враги Креста Христова и церкви святой восточной усердно имети желаем, и вере нашей православной над босурманы победы и одоления по верной нашей службе желаем», — писали запорожцы царю (Там же. Л. 101).

⁷⁴ Там же. Л. 100об.–102об.

События в Сечи в октябре – ноябре 1680 г.

Пока продолжались переговоры Сечи с Батуриным и Москвой, военные события в Запорожье шли своим чередом. Турки и татары после масштабных фортификационных работ 1679 г. серьезной активности не проявляли, однако запорожцы, несмотря на наступление осени и русско-крымские мирные переговоры в Крыму, не исключали их нападения на Сечь. 6 октября 1680 г. И. Я. Стягайло писал В. Ф. Перхурову о крымских планах совершить набег на Левобережную Украину, о которых сообщал выходец из крымской неволи⁷⁵. В конце письма была приписка, показывавшая причину беспокойства Стягайло: «А что преж сего писали в листу нашем, что орды на Каланчаку стоят, то ж и ныне на Каланчаку стоят». Впрочем, наблюдались и более наглядные признаки того, что вооруженная конфронтация в регионе не остановилась. Некоторое время назад сечевые казаки основали в низовьях Днепра, выше турецких крепостей, полевое укрепление (Суносаковская сторожа) с земляными валами, которое османы попытались ликвидировать:

[О]ктября 1-го числа от городков паша турской приходил водою судном великим, а орды полем к стороже приходили Суносаковской добывать и добывали всю ночь, однако ж хотя гранаты метали на то-варство наше, но теми гранатами ограды их не вредило, а то все учнилось молитвами пресвятая Богородицы и счастием его царского величества.

Турки и татары, как писал Стягайло, «утехи себе никакой не получили, но в малом времени в городки возвратились»⁷⁶.

В конце октября – начале ноября запорожцы, вероятно поняв, что крупных акций со стороны турок и татар в ближайшее время не ожидается, сами предприняли ряд действий в отношении противника. В конце октября они ходили к турецким крепостям на Днепре, чтобы отогнать пасшиеся на речных островах и лугах конские стада, но не обнаружили табуны в тех местах, куда они обычно выгонялись. Кошевой предполагал, что коней отогнали в Крым «знатно для походу». Он говорил Бердяеву и Савину, что получил «ведомость»

⁷⁵ Кочегаров 2025: 25–26.

⁷⁶ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1680 г. Д. 28. Л. 19–20.

о намерении хана Мурад-Гирея ударить «всею ордою великого государя на украинные города Муравским шляхом», а часть войск во главе со своим сыном послать по правому берегу Днепра на Киев⁷⁷.

В первой половине ноября Стягайло послал 14 казаков «о дву конь» во главе с Федором Шепелем под турецкие крепости для захвата языка, однако отряд попал в засаду превосходящих сил крымских татар (300 человек). Шепель и его спутники не поддались, отступая под натиском татар «отводом и бились с ними из-за лошадей». После того, как все лошади были убиты, казаки укрепились в поле и продолжили сопротивление. Татары «приступали к ним в крепях три дни», потеряв более 30 человек убитыми и множество ранеными. В итоге командовавший отрядом мурза «погнал всех татар на приступ пеших, и на том приступе того мурзу убили, и татаровя де, взяв мурзу и татар побитых привязав на выюки, поворотились назад в Крым». Кошевой полагал, что погибший мурза «с ордою шол к Юраску Хмелницкому, потому что было с ними со выюками лошадей со сто». Казаки Шепеля тоже серьезно пострадали: «в Сечю пришли переранены, только осталось целых три человека»⁷⁸. Нельзя исключать, что описанный героизм Шепеля и его казаков был значительно гиперболизирован кошевым, изложившим эту историю Бердяеву и Савину, однако сама стычка вполне могла иметь место.

После неудачной вылазки Шепеля новая конная ватага запорожцев во главе с Матвеем Цесарским и Филоном Лихопоем (будущий кошевой атаман) направилась в низовья Днепра для поиска и захвата языков вскоре после отъезда из Сечи Бердяева и Савина. В нижнеднепровских степях, «на крымской стороне в Кучугурах в самой Стрелице к устью Черного моря против Очакова близ дороги из Белогорода в Крым» запорожцы «сошлись» с казацким отрядом из городов Полтавского полка во главе с Романом Папугой (был выбран «старшим» объединенного отряда) и Иваном Горуном, который был послан туда по гетманскому приказу (так, во всяком случае, заявлял Самойлович в своей грамоте царю). Через несколько дней пришли вести о движении из Белгородской (Буджакской) орды в Крым ханского сына с отрядом, насчитывавшим несколько сотен человек, однако казаки, «малую силу имея, не посмели на него ударить» (всего их было около 50

⁷⁷ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 52. Л. 109.

⁷⁸ Там же. Л. 109–109об.

человек). Наконец, «на шляху, при Стрелице сущим» они обнаружили небольшой татарский отряд (42 человек по данным Самойловича и 37 человек по свидетельству самих татар) во главе с мурзой Арсланом, который двигался из Крыма в Белгородскую орду, напали на него и разгромили. Мурза сумел уйти от погони с частью татар, пятеро попали в плен к казакам (один пленник «зело был ранен», поэтому недалеко от Сечи казаки «срубили» его), остальные были убиты. С языками отряд вернулся в Сечь 22 ноября. Двое из них «нерадением» Папуги, который плохо следил за пленными, «в ночи ис куреня <...> с Коша ушли». Оставшихся двух пленников запорожцы отвезли гетману. В письме кошевого 25 ноября, доставленном ими Самойловичу, подчеркивалось, что захват языков — явное свидетельство «давней службы» запорожцев царю. В Батурина прибыли все казаки, участвовавшие в набеге, в расчете на царское и гетманское жалованье, но Самойлович, допросив пленных, разрешил выехать с ними в Москву лишь шестерым, включая Лихопоя, Цесарского, Папугу и Горуна⁷⁹.

Учитывая недавние частые контакты запорожцев с Речью Пополитой и активизацию их сношений с Москвой и Батуриным, для крымского хана и его окружения Сечь могла стать важным источником разведданных, в том числе о русско-польских связях. Все это имело большое значение в условиях шедших русско-крымских переговоров, на которых вопрос о Запорожье играл для сторон важную роль. Пленный белгородский татарин (ногаец) Здион-Али, доставленный гетманскими казаками в Батурина 19 октября 1680 г., сообщил, что был послан ханским сыном Альп-Гиреем «из Белогородчины» (Буджака) в составе отряда из 72 человек во главе с Баерос-агой к Запорожью «для добычи языка казацкого». С помощью языка ханский сын надеялся получить достоверную информацию о том, «в каком приятстве царское величество московской с королем полским пребывають». Татары не доверяли полякам, и им нужны были сведения именно от сечевого казака, потому «что конечно запорожцы часто к царскому величеству и к королю полскому чрез посланцов своих отзываютца с послушанием, и у них, запорожцов, от тех обоих монархов послолства бывают; могут они, запорожцы, ведать, подлинной или не подлинной меж теми монархи мир». Захваченного языка Альп-Гирей должен

⁷⁹ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 52. Оп. 1. Д. 83. Ч. 1. Л. 33–37 (письмо Самойловича от 9 декабря), 38–41 (письмо Стягайло).

был отправить как важного информатора к султанскому двору. Однако «ватага» ханского сына постигла неудача. Простояв в засаде близ Сечи немалое время, буджакские ногайцы не смогли захватить языка, двинулась вверх по Днепру к Чигирину, но по пути, в верховьях р. Цибульник, были разбиты отрядом конных наемных казаков (компанейцев) гетмана Самойловича и казаков из Кременчуга⁸⁰.

1680 г. завершился для Сечи без крупных военных событий, и многие казаки по сложившейся традиции должны были разъезжаться в города Левобережной Украины на зимовку. Общий кризис военно-политического положения Низового войска усиливался неопределенностью его судьбы на завершающем этапе русско-крымско-османского конфликта. В этих условиях большим плюсом для запорожцев стало потепление отношений с Москвой, выражением чего стала доставка в Сечь царского жалования. Тем более что надежда получить к нему прибавку оставалась вполне реальной.

Отправка дополнительного жалованья запорожцам с подьячим С. Часовниковым

Тотчас по возвращении в Москву дворянина Бердяева и подьячего Савина в Малороссийском приказе закипела бюрократическая работа. Готовился обширный доклад о прибавке жалованья запорожцам: поднимались данные о предыдущих выплатах им — как регулярных, так и экстраординарных (пожалование И. Д. Серко и Низового войска за выдачу лжецаревича Симеона в 1674 г., за поход в Крым с В. Ф. Перхуровым в 1676 г.), делались выписки из грамот гетмана и кошевого, статейного списка Бердяева и других документов. Уже 14 декабря, спустя два дня после приезда московских посланцев из Сечи, доклад был представлен правительству. В результате вышел царский указ с боярским приговором об отправке дополнительно 50 «половинок» сукна и денежного жалованья сечевому писарю П. Гуку («против прежней дачи, что дано Петру Быхоцкому, опричь приказной дачи») к гетману Самойловичу, которые тот, в свою очередь, должен был переправить в Сечь самостоятельно⁸¹. В тот же день были разосланы памяти в приказы о сборе жалованья. Его

⁸⁰ Там же. Ф. 124. Оп. 1. 1680 г. Д. 28. Л. 10, 12.

⁸¹ Там же. Ф. 229. Оп. 2. Д. 52. Л. 110об.–115.

комплектование продолжалось до самого конца декабря. Доставка была вверена подьячему Малороссийского приказа Степану Часовникову⁸². Ему вручили грамоты, адресованные гетману и кошевому атаману и датированные 29 декабря 1680 г. Самойлович должен был принять дополнительное жалованье Низовому войску и писарю и затем отправить в Сечь «по своему разсмотрению». В грамоте запорожцам содержалось такое повеление:

[И] вы б, кошевой атаман и все Войско Низовое, то наше царского величества жалованье приняли, и видя такую нашу царского величества превысокую к себе милость и жалованье, паметовали и впредь нам, великому государю, нашему царскому величеству, по своему обещанию служили верно и против неприятелей Креста Святаго стояли крепко и мужественно, и сообщения с ними никакова не чинили⁸³.

Часовников прибыл в Батурино 9 января, передал жалованье Самойловичу, а тот спустя два дня отпустил подьячего обратно. В ответном послании 11 января 1681 г. гетман, благодаря царя Федора за милость, в то же время констатировал, что сейчас отправлять дополнительное жалованье в Сечь нельзя, поскольку

[О] неприятелских злых замыслех без престани таковы вести есть, что они, враги бусурманя, под малороссийские города воиною приходит хотят, да и ныне частые их поганские загоны для добычи по розным местам по Днепру являютца.

Он обещал переслать жалованье запорожцам «ближе к весне, когда неприятелского не будет их нашествия и когда уже загоны их

⁸² РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. Д. 52. Л. 115об.–117. П. Гуку полагался «вершок бархату» на шапку, пять аршинов «сукна багрецового», 10 аршинов атласа, пара соболей по цене 7 руб. каждая и сорок соболей стоимостью 50 руб. Из-за последнего в сбое жалованья вышла заминка: сорока соболей по 50 руб. Сибирском приказе не оказалось. Тогда 27 декабря новый глава Посольского и Малороссийского приказов боярин В. С. Волынский (ум. 1682) распорядился послать туда новую память с распоряжением, что если «в Сибирском приказе сорока соболей в пятнадцать рублей по оценке нет, и вместо того послать сорок соболей в пятнадцать в два или в три или в четыре или в пять рублей». В грамотах гетману и кошевому следовало, однако, оценить сорок в 50 руб., чтобы реальная, более высокая цена меха не стала прецедентом в дальнейших пожалованиях представителям запорожской старшины: «чтоб впредь та дача была не в образец и на пример впредь в выписках тех пяти рублей не выписывать» (Там же. Л. 116об.–118об.).

⁸³ Там же. Л. 119–124. Проезжая грамота Часовникову также датирована 29 декабря (Там же. Л. 124–125).

перестанут». С этой грамотой Часовников вернулся в Москву 21 января⁸⁴. Задерживая жалованье, Самойлович, судя по всему, намеревался использовать его как козырь в отношениях с Сечью, добиваясь большей покладистости низовой вольницы.

Заключение

13 сентября 1680 г., когда посольство Г. Щербиновского подъезжало к Москве, в Батурина к гетману прибыли русские посланники стольник В. М. Тяпкин и дьяк Н. М. Зотов, направлявшиеся на мирные переговоры в Бахчисарай. Они провели с И. Самойловичем подробные консультации относительно условий будущего русско-крымско-османского договора. Вопрос о будущем Запорожья и запорожцев на них не поднимался, но нашел свое место в грамоте гетмана, которая по итогам переговоров была вручена Тяпкину и отослана последним в Москву. По убеждению Самойловича, царским дипломатам следовало добиваться от крымского хана предоставления гарантий запорожцам и «городовым промышленным людям» из Малороссии, осуществлявшим хозяйственную деятельность в пограничье, чтобы они «в житии своем, также и в рыбной и звериной ловле по полям обоих сторон Днепра, и по речкам, и по самому Днепру даже до устья Черного моря в брании соли» имели «безопаство и волность вместе с кодачаны» (жителями Кодака. — К.К.). Гетман напоминал, что передавал это требование царскому правительству через приезжавшего к нему летом 1680 г. стольника М. Н. Головина⁸⁵.

Стремление Москвы и Батурина защитить интересы Запорожья как территории, опосредованно подчиненной гетману и верховной власти русского царя, было весьма непростой задачей, учитывая, что Крым и Турция также выдвигали вполне осозаемые претензии на установление контроля над Нижнем Поднепровьем. Этому были посвящены все военные усилия турок и татар после взятия Чигирина в 1678 г. Смерть Серко, военно-организационный кризис Сечи, продолжение ее вооруженной конфронтации с османо-крымскими силами (основание Суносаковской сторожи и попытка противника ее

⁸⁴ Там же. Ф. 124. Оп. 1. 1681 г. Д. 2. Л. 5–7.

⁸⁵ Там же. Ф. 123. Оп. 1. 1680 г. Д. 13. Л. 58, 63. Грамота датирована 23 сентября 1683 г. В Москву ее доставил сопровождавший Тяпкина подьячий Никифор Венюков.

ликвидировать) — все это создавало предпосылки для восстановление влияния царской и гетманской власти на Запорожье, которое несколько ослабло в конце 1670-х годов. К 1680 г. планы московского правительства и гетмана совпали с чаяниями самих низовых казаков. Однако наметившееся сближение Сечи, Москвы и Батурина было весьма хрупким и должно было быть закреплено удачными для русской стороны итогами русско-крымско-османских мирных переговоров, в ходе которых Бахчисарай и особенно Стамбул вовсе не собирались отказываться от своих претензий.

Список сокращений

РГАДА — Российский государственный архив древних актов, Москва

Литература

- Апанович 1961 — *Апанович О.М.* Запорізька Січ у боротьбі проти турецько-татарської агресії. 50–70-і роки XVII ст. Київ: Видавництво Академії наук Української РСР, 1961. 298 с.
- Костомаров 1882 — *Костомаров Н.И.* Руина: Историческая монография 1663–1687 гг. Гетманства Бруховецкого, Многогрешного и Самойловича // *Костомаров Н.И.* Исторические монографии и исследования. М.; СПб.: издание книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1882. Т. 15. 696 + X с.
- Кочегаров 2019 — *Кочегаров К.А.* Запорожская Сечь и государства Восточной Европы в последние годы жизни кошевого атамана Ивана Серко // Кочегаров К. А. Украина и Россия во второй половине XVII века: политика, дипломатия, культура. Очерки. М.: Квадрига, 2019. С. 54–127.
- Кочегаров 2025 — *Кочегаров К.А.* Последние дни Юрия Хмельницкого (осень 1680 — весна 1681 г.) // Славянский альманах. 2025. № 1–2. С. 12–46. DOI: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.01.
- Соловьев 1991 — *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Т. 13–14 // Соловьев С. М. Сочинения: В 18 кн. Кн. 7. М.: Мысль, 1991. 704 с.
- Станіславський 2004 — *Станіславський В.В.* Запорозька Січ та Річ Посполита. 1686–1699. Київ: Інститут історії України НАН України, 2004. 357 с.
- Станіславський 2006 — *Станіславський В.В.* Запорозька Січ у другій половині XVII — на початку XVIII ст. // Історія українського козацтва: Нариси: У 2 т. / редкол.: В. А. Смолій (відп. ред.) та ін. Київ: Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2006. Т. 1. С. 558–586.
- Эварницкий 1894 — *Эварницкий Д.И.* Иван Дмитриевич Сирко, славный кошевой атаман Войска Запорожского низовых казаков. СПб.: типография И. Н. Скороходова, 1894. 164 с.

Эварницкий 1895 — Эварницкий Д.И. История запорожских козаков. СПб.: типография И.Н Скороходова, 1895. Т. 2. 624 с.

Яфарова 2024 — Яфарова М.Р. Русско-османское противостояние в 1672–1681 годов. М.: Наука, 2024. 583 с.

References

- Evarnitskii, D. I., 1894. *Ivan Dmitrijevich Sirko, slavnyi koshevoi ataman Voiska Zaporozhskogo nizovykh kazakov* [Ivan Dmitrijevich Sirko, the glorious *koshevoi ataman* of the Zaporozhian Host of the Low Dnepr]. St. Petersburg: tipografia I. N. Skorokhodova, 164 p. (in Rus.)
- Evarnitskii, D. I., 1895. *Istoriai zaporozhskikh kozakov* [History of Zaporozhian Cossacks], 2. St. Petersburg, Tipografia I. N. Skorokhodova, 624 p. (in Rus.)
- Iafarova, M. R., 2024. *Russko-osmanskoje protivostoianje v 1677–1681 godov* [Russo-Ottoman struggle in 1677–1681]. Moscow: Nauka, 583 p. (in Rus.)
- Kochegarov, K. A., 2019. Zaporozhskaia Sech' i gosudarstva Vostochnoi Jevropy v poslednije gody zhizni koshevoogo atamana Ivana Serko [The Zaporozhian Sech and Eastern-European states in last years of koshevoj ataman Ivan Serko]. In: Kochegarov, K. A., *Ukraina i Rossia vo vtoroi polovine XVII veka: politika, diplomatiia, kul'tura. Ocherki* [Ukraine and Russia in the second half of the seventeenth century: policy, diplomacy, culture. Essays]. Moscow: Kvadriga, pp. 54–127. (in Rus.)
- Kochegarov, K. A., 2025. Poslednije dni Iuriia Khmel'nitskogo (osen' 1680 – venna 1681 g.) [The last days of Yurii Kchmelnitsky (from the autumn of 1680 to the spring 1681)]. *Slavianskii al'manakh*, 1–2, pp. 12–46. doi: 10.31168/2073-5731.2025.1-2.01. (in Rus.)
- Kostomarov, N. I., 1882. *Istoricheskie monografi i issledovaniia* [Historical monographs and studies], 15, Ruina. Istoricheskaia monografiia. 1663–1687. Getmanstva Brukhovetskogo, Mnogogreshnogo i Samoilovicha [The Ruin. Historical monograph. 1663–1687. The hetman's rule of Brukhovetsky, Mnogogreshny and Samoilovich]. Moscow; St. Petersburg: Izdanije knigoprodavtsa-tipografa M. O. Vol'fa, 696 + X p. (in Rus.)
- Solov'ev, S. M., 1991. Sochineniia [Works], book 7, *Istoriai Rossii s drevneishikh vremen* [History of Russia since old times], 13–14. Moscow: Mysl', 704 p. (in Rus.)
- Stanislav's'kyi, V. V., 2006. Zaporoz'ka Sich u druhii polovyni 17 — na pochatku 18 st. [The Zaporozhian Sech from the second half of the seventeenth to the early eighteenth centuries] In: Smolii, V. A., et al., eds. *Istoriai ukraïns'koho kozatstva: Narysy: U 2 t.* [History of Ukrainian Cossacks. Essays. In 2 vol.]. Kyiv: Vyd. dim "Kyievo-Mohylians'ka akademiiia", 1, pp. 558–586. (in Ukr.)
- Stanislav's'kyi, V. V., 2004. *Zaporoz'ka Sich ta Rich Pospolyta. 1686–1699* [The Zaporozhian Sech and the Polish-Lithuanian Commonwealth. 1686–1699]. Kyiv: Instytut istorii Ukraïny NAN Ukraïny, 357 p. (in Ukr.)

Kirill A. Kochegarov

PhD, Senior Research Fellow, Institute of Slavic Studies RAS,
Moscow, Russia. 119334, Leninskii Prospekt 32A.
E-mail: kirill-kochegarov@yandex.ru

Zaporozhian Sech in the Second Half of 1680: From the Death of Koshevoi Ataman Ivan Serko to the Treaty of Bakhchysarai of 1681

The military and political position of the Zaporozhian Sech — the centre of lands which were controlled and exploited by the local Cossack community on the Low Dnepr — in the second half of the 1670s still remains unstudied despite the fact that this period played a key-role in the history of the Zaporozhian Cossacks. Three powers of Eastern Europe — the Polish-Lithuanian Commonwealth, Russia and the Ottoman Empire — had been clashing over the protection of Sech at the time. While Poland was keeping personal ties with Koshevoi Ataman Ivan Serko and the Ottoman Empire and its vassal state, the Crimean Khanate was building fortresses on the Low Dnepr that completely blocked the entry to the Black Sea for the Cossacks' boats, so the relationship between the Russian government and Ukrainian Hetman Ivan Samoylovich, protected by Moscow, was impaired. The main reason for that was the independence policy of Ivan Serko, who kept relations with Poland and Crimea and hated Samoylovich. His death opened some new possibilities for the Sech to stabilise its relations with the Tsar and the Hetman under conditions of limited military potential due to new Ottoman fortifications. Zaporozhian Cossacks sent envoys to Moscow, who were received with generosity and friendliness. Using an aspiration of the Sech to rebuild relations and to get the Thar's *zhalovanje* (emolument), the Russian government and Hetman Samoylovich tried to strengthen their control over the Sech by forcing Zaporozhian Cossacks to take an oath of allegiance. It was a very important task on the eve of the final stage of the Russian-Crimean peaceful negotiations in Bakhchysarai.

Keywords: Russian-Ukrainian relationships, the Crimean Khanate, the Ottoman Empire, Russia, Hetman Ivan Samoylovich

Received: 1 July 2025

Accepted: 31 July 2025

How to cite: Kochegarov, K. A., 2025. Zaporozhskaia Sech' vo vtoroi polovine 1680 g.: ot smerti koshevogo atamana Ivana Serko do Bakhchisaraiskogo mira 1681 g. // Central-European Studies, 8, pp. 117–160. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2025.8.5>